

005008577

На правах рукописи

ИНДРИКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

**РЕФЛЕКСИЯ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ В ЕВРОПЕ И РОССИИ:
ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ**

специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

19 ЯНВ 2012

Саранск 2011

**Работа выполнена на кафедре культурологии и социальной
коммуникации РАНХиГС при Президенте Российской Федерации**

Научный руководитель:

доктор социологических наук
профессор
Киричек Петр Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук
доцент
Елисеева Юлия Александровна

кандидат философских наук
Родина Елена Николаевна

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВПО «Московский
государственный
Гуманитарный университет
им. М. А. Шолохова»**

Защита состоится «1» февраля 2012 года в 11.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.10 при Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева по адресу: 430005, г. Саранск, ул. Полежаева, д. 44, корп. 3, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Автореферат разослан «27» декабря 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук
доцент

Ю. В. Кузнецова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тема кризиса европейской культуры обретает новую актуальность для современной России, оказавшейся в конце XX в. под сильным воздействием «западнического» (термин А.А. Зиновьева) типа цивилизации. Влияние это далеко не однозначно и несёт в себе вместе с элементами модернизационного мировоззрения выраженные признаки духовного упадка. Невостребованность исторического самосознания, нигилизм по отношению к традиционной морали и её опрошение, ослабление чувства гражданственности и патриотизма, утверждение идеологии дарвинизма и социальная разобщённость – вот далеко не полный перечень тех кризисных явлений, с которыми столкнулись европейцы еще на рубеже XIX-XX столетий и с которыми сегодня сталкивается русская гуманистически ориентированная культура.

Русская культура в основе своей книжная, соединившая в себе наследие просвещенного византизма и славянский героический архетип, создала уникальный цивилизационный сценарий, позволивший объединить в исторической парадигме русского ландшафта множество локальных культур, обеспечив им возможность совместного исторического самостояния¹. Основой этого сценария стало утверждение в XI в. в качестве принципа государственного устройства приоритета духовных ценностей над материальными, «благодати человеколюбия» – над корыстью и прагматизмом².

На рубеже XX-XXI вв. эти базовые ценности российского общества впервые за тысячу лет оказались под сомнением. Либерализация политики и морали, присоединение страны к технологическому и экономическому пространству Запада поставили русскую культуру и её носителей в рамки чуждых, уже поражённых кризисом, сценариев цивилизационного развития. И сегодня ослабление духовных позиций России угрожает низведением страны до состояния культурной периферии планетарного пространства. История пока ещё оставляет для России шанс отстоять собственную самодостаточность, но для этого требуется осмысление внутренних механизмов развития кризиса культуры в России. Эту масштабную работу невозможно проделать без учёта пройденного Западом пути и накопленного им опыта³.

Необходимость обнаружения первопричин кризиса европейской культуры усиливается пониманием того, что сегодня «Россия и Европа вместе оказались перед общим драматическим вызовом на пороге III тысячелетия», когда универсалистский проект «единого постхристианского мира» грозит

¹ См.: Дутин А.Г. Социология русского общества. – М.: Акад. Проект, 2011.

² См.: Иларион Киевский. Слово о Законе и Благодати. – М.: Столица, 1994.

³ См.: Пигалев А.И. Культура как целостность. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001.

создать «историю без всякого целеполагания», «бросает вызов всем великим национальным и духовным традициям человечества»⁴.

Предсказания драматического переустройства всеевропейского культурного пространства появились практически одновременно в творчестве крупнейших философов и писателей XIX - начала XX вв. Центральным для европейской мысли стал вопрос о том, как Европа подошла к границам собственного духовного развития и почему на определённом этапе ее исторической эволюции оказалось невозможным поддержание прежнего гуманистического пафоса.

Сегодня необходимо понять, почему Европа, не погибнув географически, тем не менее, ушла из цивилизационного авангарда планеты, почему она перестала быть «мерой всех вещей», или местом, где писали историю всего мира. Для России, мучительно переживающей снижение своего духовного и политического величия, этот вопрос звучит более чем актуально, и очень важно осмыслить сущность европейского культурного кризиса с позиций нынешнего времени, изнутри русской культуры.

Растерянность гуманистически ориентированной европейской этики перед вызовами технической и социально-политической модернизации порождает массу вопросов к русской, в основе своей христианской культуре. Главный из них – осмыслить её место и роль в будущем, «её способность найти пути в том лабиринте рифов, который нас ожидает и который придётся в наступающем веке преодолеть цивилизации, если человечество окажется способным сохранить само себя на Земле», понять, что в этой культуре должно быть сохранено, что «может дать человечеству опору в решении беспрецедентной трудности задач, вставших сегодня перед человечеством»⁵.

Европейская и русская культуры понесли тяжёлые потери в XX в. Две мировые войны не только унесли огромное число жизней, они серьёзно подорвали процесс генерирования новых идей, без чего культура не может развиваться. Безусловно, богатство европейской культуры, несущее в себе высокие гуманистические идеалы, органично сливается с богатством культуры русской. В едином мета-поле России и Европы, где совершается обмен историческим опытом духовно-практических достижений, рождаются высшие образцы научного и художественного творчества. И потому сегодня, когда возникла угроза превращения этого мета-поля в безжизненную пустыню, необходимо понять, как и почему оказалась повреждена ценностная парадигма европейского человечества и что именно привело к кризису русское самосознание.

⁴ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М. : Междунар. отношения, 2004. – С. 7.

⁵ Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // Вопр. философия. – 1993. – №8. – С. 3.

Культурный кризис Европы является не только её внутренней проблемой. Это кризис культуры, определяющей вектор исторического развития для огромного количества людей на планете. Это большой вопрос о стойкости гуманистических идеалов, о жизнеспособности христианской культуры, о её готовности решать новые задачи в мире, где на роль производителя, транслятора, регулятора культурных доминант претендуют другие сильные цивилизации.

Отсюда проистекает жизненно важная необходимость для России и Европы выступить единым научно-духовным фронтом, чтобы в условиях глобализации отстоять гуманистическую парадигму цивилизационного развития.

Степень научной разработанности темы. Важность изучения кризисных процессов в русскоевропейском культурном пространстве, исторических предпосылок и механизмов распространения кризиса на рубеже веков обусловила привлечение в ходе работы широкого круга научно-теоретических и научно-прикладных источников культур-философского и культурологического характера, которые подразделялись на профильные группы в зависимости от методологической соотнесенности с целями и задачами диссертации.

Первую группу составили теоретико-философские труды А. Вебера, А. Геге, Э. Гуссерля, Г. Зиммеля, Ф. Ницше, А. Швейцера, О. Шпенглера, В. Шубарта, К. Ясперса, а также отечественных авторов – Н. А. Бердяева, М. О. Гершензона, Н. А. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова, В. С. Соловьева и др., инициировавших рефлекссию кризиса в европейской культуре. Эти работы стали для диссертанта методологическим и генерализующим основанием осмысления заявленной темы.

К этому перечню логично добавляются труды зарубежных исследователей – К. Гирца, П. А. Сорокина, А. Дж. Тойнби, Э. Тоффлера, З. Фрейда, М. Фуко, С. Хантингтона, и отечественных ученых – О. Н. Астафьевой, А. С. Ахизера, В. К. Егорова, В. С. Библера, Н. И. Ворониной, Б. П. Вышеславцева, Ф. И. Гиренка, Б. Ю. Кагарлицкого, П. Н. Киричек, Ю. М. Лотмана, А. Н. Лыкина, Н. И. Лапина, А. Ф. Лосева, В. М. Межуева, Н. Н. Моисеева, А. А. Пелипенко, Л. А. Послуевой, Т. А. Сидориной, Н. А. Хренова, И. Т. Янина и др., в которых рассматриваются общие проблемы развития культуры, включая ее кризисные состояния.

Дополнили этот список работы, авторы которых исследовали частные аспекты кризиса культуры (кризис сознания, антропология кризиса, кризис культурной идентичности и т.п.). Это зарубежные труды А. Гримшоу, А. Камю, В. Франкла, К. Харта, в нашей стране – научные исследования Н. В. Голика, В. И. Иванова, И. А. Ильина, Л. Г. Ионина, С. Г. Кара-Мурзы,

Г. С. Киселева, В. И. Кудашева, Н. М. Мухамеджановой, А. П. Назаретян, А. И. Пигалева, С. С. Хоружего и др.

Ко второй группе принадлежат работы, в которых рассматривается социально-политическая история Европы как общий контекст ее культурной трансформации, без которой понимание причин ее кризиса представляется невозможным. Это труды зарубежных авторов Д. Белла, П. Бергера, К. Бишопа, Ф. Броделя, М. Вебера, Ж. Ле Гоффа, К. Каутского, К. Макнаба, К. Маркса, А. Мэхэна, Э. Нольте, Г. Рормозера, и отечественных исследователей – П. Е. Астафьева, Н. А. Бердяева, В. Н. Воскобойникова, Л. Н. Гумилева, Н. А. Данилевского, В. В. Ильина, В. И. Ленина, С. Г. Лозинского, А. С. Панарина, И. К. Пантина, Л. А. Тихомирова, В. М. Фалина и др.

К третьей группе относятся исследования техногенного фактора европейского культурного кризиса. Эту группу представляют работы зарубежных ученых Д. Белла, Х. Закксе, Р. Коэна, Х. Ленка, Л. Мамфорда, К. Митчема, М. Хайдеггера, О. Шпенглера и российских исследователей – В. Г. Афанасьева, А. С. Ахизера, В. С. Виргинского, А. А. Воронина, Б. П. Вышеславцева, Д. П. Гранта, В. Л. Иноземцева, Б. И. Кудрина, В. А. Кутырева, П. С. Гуревича, В. М. Розина, В. С. Степина, Г. М. Тавризяна, П. К. Энгельмейера и др.

В четвертую группу вошли работы, авторы которых многоаспектно исследовали такие факторы кризиса культуры, как формирование массового общества и массовой прессы в их исторической динамике и современных проявлениях. Это труды Б. Андерсона, Ж. Бодрийяра, С. Бенхабиб, Э. Дайсона, Э. Канетти, К. Куле, Г. Лебона, Г. Маркузе, Р. Меншела, С. Московичи, Х. Ортеги-и-Гассета, Ю. Хабермаса, Й. Хейзинги. Среди отечественных ученых данную проблему освещали Р. Ф. Абдеев, Б. А. Грушин, Б. Ю. Кагарлицкий, П. Н. Киричек, Н. Н. Козлова, Г. П. Коршунов, А. В. Костина, Л. А. Поелуева и др.

В пятую группу вошли работы, в которых осмыслена ценностно-идейная матрица европейской и русской культуры, нашедшая выражение в концептах «Русская идея» и «Идея Европы». Этому посвящены труды Г. С. Батищева, Н. А. Бердяева, О. Д. Волкогоновой, Б. Л. Губмана, А. В. Гулыги, В. В. Ильина, И. Т. Касавина, Л. П. Карсавина, И. И. Кравченко, Н. О. Лосского, Н. Н. Моисеева, И. К. Пантина, Н. А. Нарочницкой, В. Н. Поруса, В. В. Сербиненко и др.

В шестую группу вошли работы, посвященные анализу художественной философии и публицистики, в которых представлена рефлексия кризиса культуры в художественном европейском сознании. Эту группу представляют труды И. М. Бернштейн, О. М. Малевича, С. В. Никольского и др.

В седьмую группу вошли художественные произведения, наполненные глубокой рефлексией кризисных явлений внутри европейской и русской культуры, дающие объемное представление о сути происходящих социально-культурных трансформаций. Это труды, романы, повести и пьесы зарубежных писателей А. Барбюса, Я. Вайсса, Р. Олдингтона, Э.-М. Ремарка, Ф. Фитцджеральда, Э. Хемингуэя, К. Чапека, а также отечественных мыслителей – Л. Н. Андреева, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского.

В целом, теоретические разработки по проблемам кризиса культуры носят в настоящее время несистематизированный характер и распределяются по различным сегментам гуманитарного знания. При всей важности культурологических, социологических, политологических, психологических работ по теме кризиса в их фокусе оказываются лишь отдельные проявления кризисной культуры, изъятые специальным исследовательским инструментарием из единого бытийного пространства человека.

Однако сегодня существует острая необходимость комплексного осмысления кризисного состояния культуры в Европе и России, что возможно в рамках культурфилософской парадигмы. В свою очередь, культурфилософская теория испытывает насущную потребность в разработке универсальной гносеологической методологии, способной на основе интеграции различных специальных дискурсов создать целостную панораму социокультурного развития человека, в которой многогранная его жизнь включается в каждый её концепт.

В основе научной гипотезы исследования лежит предположение о том, что кризис культуры в современной России является продолжением общесистемного кризиса христианской цивилизации, редуцировавшей свои базовые духовные и этические основания к мировоззрению, обслуживающему рыночно-конвейерную экономику. Мировые войны XX в. зафиксировали начавшееся нивелирование христианской этики в условиях борьбы за ресурсы для промышленного конвейера. В свою очередь, принцип работы конвейера (однотипность и модульность), перенесенный в область культуротворчества, лишает культуру способности к духовной созидательности и способности формировать стратегические исторические цели. Массовизация культурных процессов сводит все богатство человеческой культуры к содержанию массовой прессы. Россия, входящая в промышленную зону европейской ойкумены, также утрачивает способность к формированию цели и смысла своего исторического развития.

Объект исследования – культурные изменения, происходящие в образе жизни Европы и России в XX-XXI вв.

Предмет исследования – кризис культуры в Европе и России в философском измерении.

Цель исследования: комплексное осмысление кризисных процессов в европейской и русской культуре, выявление глубинных культурологических оснований упадка и ослабления гуманистической парадигмы европейской культуры.

В рамках поставленной цели решаются следующие задачи исследования:

- определить общность европейской и русской культур, их интегральные духовные возможности и общую историческую ответственность за будущее мировой цивилизации перед вызовом глобального универсализма;

- показать влияние техногенного фактора на состояние европейской культуры и формирование её специфического кризисного мировоззрения;

- выявить механизмы становления кризисного мышления европейцев и россиян в условиях доминирования массовой прессы и актуализации феномена «массового человека»;

- рассмотреть эволюцию критической рефлексии концепта «Идея Европы» в креативном пространстве философского творчества.

- обозначить направление поиска социокультурного развития в современных условиях в соответствии с концептом «Русская идея»;

- рассмотреть особенности рефлексии кризиса в символическо-художественной сфере европейской и русской культур.

Методологическая и теоретическая база исследования представлена сводом парадигм и концепций из работ философского, культурологического, социологического, этического, эстетического характера, которые раскрывают природу, сущность и особенности становления кризисных тенденций в культуре и процесс их распространения. В роли основного применялся культурфилософский подход, используемый при осмыслении общественных процессов в целом. Необходимыми в рамках данного исследования также оказались системный, аксиологический, социогуманитарный, цивилизационный подходы. Этот выбор обуславливался логикой движения понятий, целями и задачами исследования.

Теоретической основой исследования послужили идеи и концепции, связанные с проблемой кризиса, которые изложены в работах отечественных и зарубежных специалистов различных областей знаний: философии, культурологии, истории, социологии, политологии, психологии. Особое значение имеют работы, в которых представлено философское обоснование сущности кризисных процессов в отечественной и европейской культуре (Ф. Ницше, О. Шпенглер, Н. А. Бердяев, А. Шопенгауэр, Н. А. Данилевский, З. Фрейд и др.); показана роль художественной литературы в осмыслении кризисных явлений европейской культуры (К. Чапек, Я. Вайс, Р. Олдингтон, А. Барбюс, Э. Хемингуэй, Э.-М. Ремарк и др.); раскрыта специфика встречного миссионерского противостояния культур России и Европы (Н. А. Нарочницкая, А. Г. Дугин, В. М. Фалин, К. Н. Леонтьев,

В. С. Соловьев и др.); выявлены тенденции формирования массового человека и конвейерного общества (Б. Андерсон, Х. Ортега-и-Гассет, С. Московичи, Х. Ленк и др.); отражено состояние российско-европейского культурного поля в состоянии кризиса (А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, В. И. Ленин, Ю. М. Лотман, А. С. Панарин, М. Вебер).

В исследовании применены методы гуманитарных исследований:

- *сравнительно-исторический*, позволяющий выявить и соотнести общие признаки и тенденции развития кризиса в российско-европейском культурном пространстве в процессе сложного исторического взаимодействия;

- *интерпретативный*, дающий возможность описания причинной характеристики кризиса культуры в результате пересечения множества различных социальных факторов и обстоятельств;

- *интегративный*, дающий возможность применения данных различных областей знания к решению задач, поставленных в настоящей работе;

- *системного анализа*, способствующий прослеживанию общих закономерностей кризисных трансформаций в культурном и философском измерении.

Основные научные результаты и научная новизна диссертационного исследования заключаются:

- в теоретической разработке причинно-следственного комплекса возникновения кризисных явлений в социокультурном пространстве России и Европы в результате тотального расширения промышленных конвейерных технологий, которые внедряются в сферу творения культурного кода и осуществляют его репликацию на основах упрощённой унификации и стандартизации;

- в рассмотрении упадка классической христианской культуры как основной причины нарушения преемственности в развитии европейской цивилизации, выразившейся: а) в ощущении индивидом бессмысленности своего бытия; б) в неспособности к формированию исторической цели под воздействием переживаемого нравственно-психологического опустошения;

- в теоретико-методологическом определении сущности, принципов, механизмов массового (конвейерного) воспроизводства высших этических ценностей как основной причины их культурного нивелирования и поэтапного превращения в антиценности;

- в установлении зависимости стагнационных и регрессивных процессов европейской культуры от неизбежной утраты миссионерских возможностей распространения собственной картины мира в виде позитивной геополитической экспансии и повторении этого негативного социокультурного опыта в российских условиях;

- в выявлении сути духовно-практической массовости как доминантной мета-характеристики кризисного состояния общества в Европе и России,

которое формируется в разрушительной атмосфере суррогатной культуры потребления, основанной на заведомо упрощённых моральных требованиях (отправных посылах).

– во включении в область философской рефлексии кризиса художественного творчества русских и славянских писателей, выступавших за высокий гуманистический пафос всевропейской культуры, против ее массовизации, опрощения и коммерциализации.

Таким образом, **научно-теоретическая проблема** для диссертационного исследования заключается в необходимости осмысления степени и качества углубляющихся кризисных трансформаций русско-европейского культурного пространства в эпоху глобализации и обусловливается:

– с одной стороны, опасностью разрушения традиционных оснований русской культуры в процессе взаимодействия с культурой европейской, вступившей в эпоху кризисных изменений, в результате чего резко возрастает вероятность распространения кризиса в отечественном социуме;

– с другой стороны, недостаточным объемом и уровнем философско-теоретических исследований эволюционных причин всевропейского культурного кризиса и его возможностей влиять на духовные основания русской культуры, высшие достижения которой находятся в тесном сопряжении с соответствующими им европейскими культурными ценностями.

Научно-теоретическая задача исследования заключается в выявлении глубинных культурологических оснований кризиса в Европе и его отражения в России в условиях ее общественно-политической и экономической трансформации на современном этапе российской цивилизации:

– во-первых, необходимо комплексное представление о причинах кризиса европейской культуры, механизмах его распространения, в том числе в российском обществе, испытывающем идейный кризис и недостаточность духовных опор для исторического самостояния;

– во-вторых, требуется определение механизмов противостояния кризисным метаморфозам, извращающим культурное творчество русского и европейского сообществ.

Эмпирическую базу исследования составили литературно-художественные тексты и газетно-журнальные публикации по проблемам кризисного состояния культуры Европы и России; данные вторичного анализа социокультурной ситуации в Европе и России; материалы, характеризующие особенности развития зарубежных и отечественных средств массовой информации; материалы научных конференций, семинаров, «круглых столов», обсуждавших проблемы кризисного состояния европейской и российской культуры в условиях общественно-политической и социально-технологической модернизации на основе либерального (рыночного) фундаментализма.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обеспечиваются:

- применением верифицированных в социальной практике научных методов, принципов, подходов гуманитарного характера и значения, помогающих добиваться эвристических результатов в области исследования кризиса культуры;

- экстраполяцией в поле научного дискурса законов диалектики, позволяющих выявить специфику кризисных тенденций в российской и европейской культуре;

- обширностью эмпирической базы исследования, составленной с помощью репрезентативного отбора исходного материала и последующей его интерпретации;

- соблюдением требований корреляции авторских выводов с общепризнанными результатами теоретических и прикладных исследований в области кризиса применительно к современной ситуации в России и Европе.

Положения, выносимые на защиту.

1. Россия и Европа переживают кризис, связанный с пересмотром этических оснований христианской цивилизации в сторону англо-американского проекта универсального мироустройства на основе либерального фундаментализма. Либерализм рассматривается как созревший в недрах христианства мега-культурный проект по практическому осуществлению евангельского Завета. Монополизация идей либерализма промышленно-политической сферой в XVIII-XIX вв. привела к выхолащиванию ценностей христианства: а) в культурные приоритеты в процессе избавления люмпенских слоев от нищеты и голода был возведен принцип материального преуспеяния и благополучия; б) из авангарда христианской культуры был выведен слой аристократии с его культурной функцией сбережения традиций и формирования исторических целей для общества; в) оказались стерты границы между пониманием добра и зла в их новозаветном социально-нравственном значении и содержании. В России сегодня состояние кризиса связывается с риском отхода от ценностных императивов «Третьего Рима» и утратой миссионерской исторической динамики.

2. Кризис культуры в Европе осмысливается как сублимированный результат ее технологической доминанты. Техногенное мировоззрение изменило общество на основе конвейерной этики, уравнив в культурных правах творцов уникальной духовности с производителями стандартного промышленного продукта. Содержание новой – конвейерной – этики отражает в себе упрощенные либеральным (рыночным) фундаментализмом эстетические и моральные нормы. Общим результатом их внедрения стали: а) отказ от принципа культурной уникальности; б) творческая усталость, унификация

творчества; в) ревизия христианской духовности как этики социальной защиты и ее редукция к «естественному праву» и социал-дарвинизму. Поставив принцип материального потребления выше духовных ценностей, Европа уступила функции духовного миссионерства другим культурам.

3. Промышленная модернизация в рамках данной работы рассматривается как способ организации европейской культурной энергии в условиях закрытия ойкумены с целью ее дальнейшей экспансии. Для современной России, включенной в техническое и экономическое пространство Запада на условиях реципиента, представляется сверхважной задачей теоретически отразить и философски осмыслить неочевидную на первый взгляд ситуацию: промышленные технологии не обладают нейтральным культурным статусом, поскольку не могут быть объективированы от целей и смыслов создающих их людей. Любое механическое перенесение технологий неизбежно меняет культуру принимающей страны. Это и происходит в современной России, которая, в стремлении поставить материальную прибыль выше духовных ценностей, рискует повторить судьбу сегодняшней Европы, пораженной социокультурной посредственностью и экзистенциальной однотипностью.

4. Кризис культуры в Европе и последующее его перемещение в Россию стали возможными во многом благодаря тому, что его симптоматика оказалась широко растиражированной массовой прессой, когда конвейерный принцип «штамповки» духовных ценностей становится основой социальной коммуникации и объединяет в гомогенное массовое общество население крупных городов. В определенной мере современный «массовый человек» есть результат его эволюции со времен люмпенства Древнего Рима. Массовый человек в ситуации кризиса культуры превращается в пассивный объект социально-политического управления, поскольку он перестает быть носителем высших духовных ценностей и отчуждается от участия в руководстве общественными процессами. Массовый человек становится самым удобным для власти социальным слоем, так как утраченная им способность к критической оценке происходящего открывает управляющей элите возможность оставаться на вершине власти.

Массовый человек является обязательным условием либерального общества, так как он поддерживает базовые экономические установки на неограниченное потребление товаров и услуг. Основу его бытия составляют праздность и удовольствие, сопровождаемые боязнью напряженных духовных усилий. Базовая либеральная концепция – «рынок идей» Дж. Мильтона – обеспечивает ему такую культурную практику, как диффузия информационного удовольствия. Последствиями ее внедрения стали: а) зараженность сознания релятивистской гносеологией, утрачивание способности к детерминистскому миропониманию; б) отказ от личной

ответственности за духовную неразборчивость в условиях рынка информации; в) отказ от личностной уникальности и втягивание личности в культурный униформизм в ущерб гражданской позиции. Массовая пресса формирует вокруг индивида множество мнений, что срабатывает психологически как эффект настоящей толпы, в которой у человека стирается воля к собственной точке зрения, а значит – к спасительному для его духовного начала индивидуальному протесту.

5. Одной из главных задач Европы и России в новом тысячелетии становится задача исторического целеполагания, решить которую невозможно без обращения к творчеству таких гениальных философов, как Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, О. Шпенглер, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, обладавших исторической смелостью предсказания кризисных тенденций, уже намечавшихся в русско-европейском культурном пространстве. В формирование Идеи Европы и Русской Идеи эти философы внесли идейность, систематичность. В диссертации показывается, что кризис культуры наступил тогда, когда эта плеяда оборвалась в конце Второй мировой войны. Это позволяет утверждать, что в момент, когда элита прекращает трансляцию высших ценностей, общество не способно более оставаться основой государства и превращается в подконтрольные «массы».

6. Проблему кризиса русской культуры невозможно рассматривать вне контекста славянской культуры, занимающей граничное положение между Россией и Европой. Творчество гениальных чешских писателей К. Чапека и Я. Вайсса можно с полным правом считать весомым вкладом в развитие и становление Русской идеи в ее борьбе с кризисом христианской цивилизации. К. Чапек и Я. Вайсс еще в начале прошлого столетия нарисовали картину грядущего тотального государства, в котором явная тирания заменена на более изощренную тиранию рекламы и информационных развлечений, где все человеческое общество обьято необъяснимым страхом перед неизвестностью и неопределенностью. Творчество писателей рассматривается как самая ранняя рефлексия культуры на кризисные изменения в ее ядре, писатели в художественной канве своих произведений раскрывают глубинную сущность опасных культурных изменений.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертации представлены в монографиях, статьях и тезисах выступлений, перечисленных в конце автореферата. Различные аспекты исследования кризиса российской и европейской культуры освещались автором на девяти международных и на десяти всероссийских научно-практических конференциях и семинарах в Москве, Санкт-Петербурге, Минске, Елабуге, Саранске (2006-2011).

Структура диссертации. Диссертация состоит из двух глав, шести параграфов и излагается на 188 страницах. Список источников включает 284 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, фиксируется степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи работы, определяются её теоретическая, методологическая, эмпирическая основы, раскрывается новизна и результаты исследования, характеризуется его научная и прикладная значимость.

В первой главе «Противоречия развития культурного пространства Европы и России в XX–XXI вв.» рассматриваются общие вопросы зарождения кризисных тенденций в европейской культуре и их основные причины и источники.

В первом параграфе «Европа и Россия перед вызовом универсалистского проекта мироустройства» автор рассматривает процесс кризисных изменений в культуре России и Европы. Во множестве исследований ситуация в России оценивается как кризис культуры. А. С. Запесоцкий отмечает: «Мы находимся в кризисе, который в России имеет не экономическую природу, а нравственную»⁶. По мнению современных российских историков и философов (Н. А. Нарочницкая, Ю. П. Буданцев, А. С. Панарин и др.), сегодня наблюдается кризис современного российского сознания. Стало очевидно, что кризис имеет не локальную специфику, а цивилизационную, и понять его природу вне общеевропейского культурного контекста и – что самое важное, вне истории его формирования – не представляется возможным. Русская культура – интегральная часть христианской культуры, и объединена с европейской именно через христианство, ставшее на тысячелетие их общей историей и философско-мировоззренческой основой. Несколько столетий Европа создавала уникальную культуру, мощное влияние которой испытала на себе и Россия. И именно Европа инициировала техническую модернизацию. Начиная с XVII–XVIII вв., со времен первой научно-технической революции, процессы модернизации в их технотронном воплощении постепенно перемещаются с Запада на Восток, неся с собой характерные стандарты жизни.

В этом смысле понятие «модернизация» совпадает с понятием «вестернизация». Но в случае с Россией имел место неожиданный парадокс. «Вестернизация» России «натолкнулась на гигантские препятствия, обнаружив

⁶ Куда идет российская культура? (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2010. – №9. – С.22.

тем самым исторические пределы распространения новоевропейской цивилизации», — отмечает отечественный исследователь И. К. Пантин⁷.

Таким образом, борьба двух геополитических и культурных гигантов, Европы и России, есть собственно гражданская война внутри христианской цивилизации. С европейской стороны — апология модернизации, продемонстрировавшая смещение цели и средства исторического процесса. Со стороны России — яростное сопротивление всем попыткам отчуждения человека от смысла собственно человеческой жизни. Эта война продолжалась почти весь XX в. и обессилела обе стороны.

Следуя за ходом размышлений О. Шпенглера и Л. Н. Гумилева, можно увидеть, как Европа оставила в небытии заветы предков и, предаваясь бессмысленному течению времени, день за днем растрчивает остатки своей пассионарности. Сегодня речь уже не идет о том, чтобы открывать новые миры, чтобы нести в них новые идеи, а встает ужасающий вопрос — как не потеряться в родных европейских просторах, где год от года увеличивается арабо-африканское население.

Современный европеец, входящий в масс-медийный поток проамериканского «евросоюза», оказывается «крепко зажатым» штампами и продуманными за него логическими фигурами относительно истории, бытия, будущего, целей и смысла жизни. Появилось огромное количество белой молодежи, не знающей, чем занять свои все еще пылкие, требующие исторического применения сердца, а процесс рождения идей — прекратился. Осмыслить столь противоречивое (конформистское и бунтарское) состояние общественного сознания без отсыла к политико-экономическому и духовно-практическому пласту европейской культуры XX в. не представляется возможным. Фактически оно является следствием трагических для Западной Европы последствий американской военно-экономической оккупации, начавшейся по итогам Второй мировой войны, когда в её странах вместе с реализацией экономического плана Маршалла началось «строительство» новой либеральной культуры. Этот замысел предполагал в корне пересмотреть культурный код Европы и нивелировать ментальный комплекс европоцентристских традиций, национального самосознания и культурно-исторической преемственности, который препятствовал приобщению европейцев к волшебному «Дисней-лэнду» американской мечты.

Главными механизмами внедрения социальной эрзац-культуры на чужой земле, а фактически идеологии и культуры американского либерализма в версии для иностранцев, представляются следующие:

⁷ Пантин И.К. Россия в мире: историческое самоузнавание (Размышления в связи с книгой М.Я. Гефтера «Из тех и этих лет») // Вопр. философии. — 1993. — №1. — С. 20.

а) денацификация Европы (позитивное начало, на котором культуры всех здешних стран и народов могли ускоренным образом интегрироваться «методом от противного»);

б) отсечение сначала Западной (романо-германской), а затем и Восточной (славянской) Европы от культурного пространства России, что породило искусственно созданную и политически гиперболизированную оппозицию европейской и российской культур с претензией на уровень «столкновения цивилизаций» (термин С. Хантингтона);

в) формирование в Европе идеологии культурного релятивизма с внедрением в континентальное бытие и сознание глобального американизма.

Во втором параграфе **«Трансформация духовных традиций национальных обществ в конвейерное мировоззрение «сверхобществ»** анализируется процесс изменения социокультурного облика Европы в связи с погружением культурного пространства в технологизированную среду.

Рубеж XIX-XX вв. был отмечен небывалым технологическим скачком в истории человечества. Технический век вносил серьезные изменения в саму структуру европейской культуры. Новые технологии в области связи, прессы, транспорта и коммуникаций все больше внедрялись в повседневную жизнь, которая начала преобразоваться под стремительным натиском технических изобретений, что, в свою очередь, неизбежно повлекло за собой и трансформацию культуры как способа воспроизводства жизнедеятельности общества. Повсеместное внедрение конвейерного производства, которое не предполагало уникальности изделия, стремилось и к тому, чтобы максимально унифицировать, упростить производственный процесс с экономической целью – снижения цены и увеличения числа товаров. В последующем диктат стандарта распространился из сферы сугубо промышленной в экономическую, а затем – и в сферу культуры.

Очень быстро процесс принял практически неуправляемый характер и породил основную проблему техногенной цивилизации, проблему «сохранения человеческой личности, человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. Эту глобальную проблему иногда обозначают как современный антропологический кризис»⁸.

Европейское общество, сформированное на традиционном консерватизме, лихорадочно искало морального, культурного, цивилизационного обоснования наступившим временам. Это обоснование было принципиально необходимо европейской культуре как культуре господствующей, центральной, открывающей государства и новые земли, а значит, остро нуждающейся в четком определении места и значения человека в

⁸ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: Учеб. пособие. – М.: Контакт-Альфа, 1995. – С. 23.

мире. В условиях широкого распространения технологической и культурной стандартизации образ человека-европейца, сформированный и утверждённый преимущественно в эпоху великих географических открытий, оказался в массовом сознании под угрозой исчезновения.

В результате в культурной среде Европы возникла противоречивая ситуация, суть которой состояла, с одной стороны, в политической и экономической необходимости внедрения «конвейерного модуля» бытия, (и жизненного стандарта вместе с ним), а с другой стороны, в историческом нежелании расставаться с философией высшего, вселенского предназначения европейцев, которая неизбежно должна была уйти под натиском техногенных преобразований общества.

В итоге, оказавшись перед вызовом технической парадигмы, Европа уступила ей первый рубеж – отказ от принципа культурной уникальности, и как следствие – от идеи исторической избранности, миссионерства. Другой рубеж, сданный Европой почти без сопротивления, под экспансионистским влиянием массовой культуры, обнаружил творческую усталость, выразившуюся в изменении и упрощении структуры мышления, приобретающего в иных условиях черты механистичности.

Становление конвейерного производства фактически стало для европейцев новой религией, обещавшей им изобилие, процветание и счастье. Ошибочная связь была выстроена между прежней ценностью единичного и уникального культурного явления вообще и ценностью промышленного продукта. Эта связь не учитывала разности социокультурных целей, с которыми создаются продукт уникальный (для культуротворческой элиты) и продукт конвейерный (для массы), чего, кстати, не предполагалось в культурной политике государства советского периода, когда культура считалась неделимой двухуровневым ранжиром, т.е. была по качеству и доступности единой для всех слоёв населения.

В третьем параграфе ««Массовая пресса» и «массовый человек» в контексте социокультурного кризиса Европы и России» рассматриваются причинно-следственные аспекты процесса массовизации общества в ментальном измерении.

На рубеже веков происходит резкая смена парадигм развития человечества. Европейская его часть вступает в эту новую парадигму первой, так как именно здесь оформляется постоянное и масштабное конвейерное производство. Это производство позволяет снабдить широкие массы способами и средствами формирования межличностной коммуникации (транспорт, связь), что приводит к началу становления нового века масс, о котором писали и предупреждали философы, в частности, Х. Ортега-и-Гассет⁹.

⁹ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: Издательство АСТ, 2002.

Первоисточником перехода европейского и российского общества в иное, массовое, состояние является то, что одна изменившаяся сфера бытия — материальная, связанная с запуском в повседневную практику масштабного конвейерного «производства вещей», не могла не вызвать адекватного резонанса в других бытийных сферах: а) идейной, где налаживается штамповочное «производство идей», и б) социальной, где начинается стандартизированное «производство человека». Европа первой вступила на этот путь в начале XX в., а Россия последовала за ней почти столетие спустя, однако сходство материальных, идейных, социальных тенденций данного модуса развития не вызывает сомнений.

Общим свойством психологии и «культурного портрета» массового человека, по выводам современной гуманитарной науки, является особое психологическое состояние, которое индивидуум приобретает в толпе, в момент наивысшей, неконтролируемой мотивации, когда толпу подталкивают к принятию определённого решения. Создав соответствующую техническую базу для материального возникновения массовой культуры, индустриальное общество подготовило все предпосылки для становления человека как её потребителя, особенно в свободное время, наполняемое простой незамысловатой «культурой безделья», не обеспокоенной стремлением к высоким идеалам.

Новоевропейский массовый человек есть результат его эволюции со времен Древнего мира, когда он уже был способом регулирования политических и государственных отношений. Так, в Древней Греции, где демократическое управление страной долгое время существовало как реальная политическая практика, масса играла важную роль в принятии судьбоносных исторических решений. В Древнем Риме массовый человек заявляет о себе с возрастающей силой. В эпоху расцвета гладиаторских боев, и в особенности, «народной коррупции» (подкуп городской толпы в целях увеличения популярности и большего количества голосов. — *А. И.*) массовый человек стал надежным инструментом государственного политического управления.

Предсказанное философами и социологами разделение европейского общества на правящую технократическую сверхэлиту и безликую толпу «никчемных» людей происходило тем быстрее, чем больше технических нововведений (беспроводная связь, конвейер, транспорт и др.) закреплялось в повседневной жизни. Сохранение сложившейся диспозиции: элита — масса, или удержание власти над второй становилось заманчивой мечтой первой, и эта мечта казалась не такой уж недостижимой, особенно в наступающий век высоких технологий, когда способы манипуляции общественным сознанием могли вводиться в эксплуатацию в массовом порядке, при помощи конвейерного производства социально значимой информации.

Типичным примером использования конвейерного производства в целях социальной инженерии объективно считается массовый выпуск газетно-журнальной продукции и – позже – СМИ в целом. Показательной в этом плане является концепция журналистики, теоретически разработанная и практически внедрённая немецким медиамагнатом А. Шпрингером. Актуализация массовой прессы в «шпрингеровском» варианте представляется весьма драматичной перспективой для современного российского социума. Сформированное при содействии массовой прессы общество, лишённое опоры на традиционные культурные механизмы исторического развития, оказывается не в состоянии участвовать в репликации собственного уникального культурного кода, что требует интенсивной работы национального духа и присутствия культурной воли.

Во второй главе «Социокультурные изменения в Европе и России в философском измерении» исследуется преломление философских идей России и Европы в новой реальности технической цивилизации.

В первом параграфе «Идея Европы» в поиске направления культурного развития» рассматриваются основы формирования европейской идеологии человека-в-мире в эпоху массового общества.

Исходным началом философской рефлексии, в авторском понимании, является обнаружение двойственности самого процесса геополитического расширения Старого света и его технической модернизации. По форме этот процесс был реализован в миссионерской парадигме всеобщего просвещения и демократизации политических систем. А по содержанию он выхолостил этическое (христианское) ядро миссионерства посредством создания рационально-прагматической эрзац-культуры в виде универалистского проекта мироустройства под эгидой массовой прессы. При этом оказалось, что конвейерная цивилизация не нуждается в систематизированном прошлом собственного бытия – она предпочитает жить одним днем.

Гегель определяет место Европы в мире, придавая стройность и выверенность историческому знанию Европы о себе самой.

Критическая рефлексия культуры в европейской философии получает предметное выражение в творчестве А. Шопенгауэра, сформулировавшего кризисную парадигму «западнистского» типа бытия. Философ «срывает покровы» с той стороны человеческой жизни, которую принято было не выставлять напоказ в христианской этике. Шопенгауэр развенчивает европейского человека, представляя его не высшим созданием природы, а лишь материалом для беспристрастного, критического исследования. С этого момента европейская традиция монополизировать «божественное право» вмешиваться во внутренние дела других стран и народов, оставаясь в тени мистической неприкосновенности, направляется вовнутрь, и теперь уже среди самого европейского населения появляются «высшие» и «остальные»,

«единичные» и «массовые». В философии Шопенгауэра прослеживается тенденция к отчуждению человека от общества, подобное тому отчуждению от производства, которое окончательно произойдет в Европе с внедрением конвейера. В итоге конвейерная этика, встретившись с подготовленной Шопенгауэром почвой тотального индивидуализма, обрела силу грядущей цивилизации.

Согласно философии Ф. Ницше, европейская идея слишком захлавлена старыми ценностями, реальная, жизненная сущность которых давно извращена и не соответствует названиям, а христианская идеология из учения о социальной справедливости превратилась в свод законов жречества-духовенства, по которым церковная элита не только сама пользовалась неограниченной политической властью, но и превращала европейцев в рабов стадной морали, лишая их свободы духа. Поэтому первое, чем нужно заняться европейцам, — вернуть ценности на место, произвести объявленную самим Ницше «переоценку всех ценностей». Этот порыв был встречен современниками враждебно, да и по сей день очень распространенным является обвинение Ницше в так называемом «иммориализме», однако глубокое проникновение в смыслы его философии дает возможность увидеть гуманистическое, в высшей степени моральное стремление свободного духа — вернуть истинное понимание добра и зла в европейский (да и не только) мир. Европе, по мысли Ницше, больше подходит гиперборейское, сверхчеловеческое предназначение. Главный герой его философии — Заратустра — это новый Христос грядущей эпохи европейской духовной революции. Устами Заратустры Ницше говорит о формировании нового идеала человека, готового к противостоянию культурному вакууму, который неизбежно возникнет после «переоценки всех ценностей».

По утверждению О. Шпенглера, в Европе с механической точностью повторяются в разные эпохи сходные в своих основаниях периоды становления и деградации управляющей элиты. Он видит главную проблему Европы в том, что она в XX в. повторяет те же ошибки, что и в эпоху Римской империи, а именно — разрешает деградацию элиты, междоусобные войны, допускает к участию в решении внутренних проблем чужеродные силы. Однажды это привело Рим к гибели, теперь то же самое грозит Европе. Шпенглер выводит идею Европы как идею территории, населённой представителями белой расы, обязанными хранить свою историческую преемственность и глубокую традиционность.

Шпенглер видит опору будущего возрождения Европы в твердой, неукоснительной дисциплине духа и чести, которые должны стать отличительной чертой элиты на века. Соглашаясь со Шпенглером, необходимо отметить, что кризис культуры в Европе не может оставаться сугубо метафизическим явлением, когда элита более не в состоянии транслировать

высокодуховные ценности остальному населению. Кризис культуры затрагивает и мораль, и здоровую физиологию общества.

3. Фрейд буквально перевернул культурное пространство Старого света теориями о происхождении культуры и нравственности. Идеи Фрейда скорее усугубили состояние общественного сознания, так как его метод свободных ассоциаций, пропагандирование его откровенно сексуальной направленности вызвало уже не только научный, но и общественный резонанс. Фрейд поставил под большое сомнение сформированную христианской моралью парадигму европейской культуры, он словно препарировал его неприкосновенную часть, которая скрывалась нормами приличия и этикета. Публичное утверждение Фрейдом факта существования биологических желаний и их определяющей роли в развитии человеческого сообщества подорвали культурный статус общественно-культурной дискуссии о человеке в целом.

В суждениях А. Швейцера поставлен вопрос о том, что становление культуры материальной даёт человечеству иллюзию аналогичного развития культуры духовной, поскольку возникновение этико-эстетических ценностей вокруг новых технических достижений происходит как бы само собой. Вследствие этого заблуждения современное массовое сознание оказалось в глубоком ценностном кризисе, при отсутствии чётких гуманистических критериев бытия. Ценностно-смысловой кризис Европы нашёл широкое отражение в художественной рефлексии Э.-М. Ремарка, Р. Олдингтона, Э. Хемингуэя, Ф. Кафки, О. Хаксли, К. Чапека.

Во втором параграфе второй главы «Русская идея» против кризиса культуры» раскрывается теоретико-прикладной потенциал русской философии, выражающей высокое ценностно-смысловое предназначение русской культуры в противоположность европейскому критическому умунастроению.

Эта культурно-рефлексивная оппозиция возникает из того, что ещё в XIX в. русская культура как носитель общехристианской духовной традиции вступила в противоречие с процессами мировой «вестернизации» в их комплексном выражении. Обеспокоенность духовным состоянием европейского сознания высказывали в свое время выдающиеся мыслители – Н. А. Бердяев, Н. Я. Данилевский.

По Ф.М. Достоевскому, автору словосочетания «русская идея», обеспокоенному кризисным состоянием общественного сознания в Европе, историческая миссия России, носительницы нравственно-психологического принципа «общечеловечности», представлялась как возрождение царства всеобщей справедливости. Художественная философия Достоевского этически и эстетически аккумулирует «скорбь, тоску» по высоким духовным идеалам в условиях их низвержения, а также веру в победу правды над ложью.

Ложь порождается, в первую очередь, нарастающим в новом веке машин явлением социального безразличия. Достоевский предсказывает кризис культуры, изображая в своих романах ситуацию всеобщего отчаяния. Это состояние вызвано не только нищетой и безденежьем, но в первую очередь нарастающим в новом веке машин – социальным безразличием. Общество перестает смотреть в себя самого и допускает, таким образом, беззаконие сердца, когда перестают действовать моральные нормы, получившие приговор технотронного времени – устаревание. Одна из особенностей русской идеи – осознание исторической миссии России в возрождении царства всеобщей справедливости. Достоевский верит в то, что соборная русская идея позволит сохранить индивидуальности всех тех, кто в эту соборность входит. А это значит, что кризис сокровенного внутреннего пространства нации будет преодолён.

Наиболее близким по духу Ф. М. Достоевскому был первый профессиональный философ России – В. С. Соловьев. В. С. Соловьев свидетельствует о главном направлении русской идеи, ее важности не только для России, но и для всего мира, поскольку она проявляется как новая часть всехристианской идеи.

По его мнению, три силы: мусульманский Восток, западная цивилизация и славянский мир – влияют на ход истории, но только славяне, русские способны встать над игрой частных интересов и позаботиться обо всем мире. Примечательно, что В. С. Соловьев рассматривает свой тип русской идеи без отрыва от западного влияния. По его мнению, на Западе оформилась идея индивидуальности, на Востоке же – универсализм. Теперь задача состояла бы в том, чтобы объединить оба эти принципа и построить новый всехристианский мир¹⁰.

Еще одним автором подлинно русской идеи о построении государства всеобщего равенства и единства стал А. И. Герцен. «Русский социализм» Герцена стал отправным пунктом идеологии народничества, так как идея построения мира без насилия, общества равных прав и социальных гарантий максимально соответствовала образу мышления русской соборной философии. Теория «русского социализма» Герцена стала отправным пунктом социалистических взглядов революционных народников, которые в конце XIX в. претендовали на роль передового движения в российском обществе. Россия в данной парадигме представлялась как юный для Европы народ, полный сил, у которого всё будущее ещё впереди. И нет оснований считать, что в дальнейшем развитии Россия должна пройти через все те фазы, которые уже прошли европейские народы, ибо она по своему бытию и сознанию находится ближе к социальным идеалам: «...то, что является для Запада только надеждой, к

¹⁰ См.: Соловьев В. С. Соч. в двух томах. – М.: Мысль, 1988.

которой устремлены усилия, – для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем»¹¹.

В третьем параграфе второй главы «Рефлексия кризиса в художественном пространстве славянской и русской культуры» (На примере творчества Я. Вайсса, К. Чапека, Л. Н. Андреева) рассматривается художественно-философская рефлексия кризиса культуры в творчестве Я. Вайсса, К. Чапека, Л. Н. Андреева и др., где прогностически осмысливались и интерпретировались возможные ситуации грядущих социокультурных изменений в Европе и России.

Роман Я. Вайсса «Дом в тысячу этажей» стал произведением-вопросом и ответом одновременно на события и явления, связанные с кризисом культуры периода Первой мировой войны, который вызвал в европейском массовом сознании взрывную волну недоверия к христианско-центричной модели развития общества. По метафорическому сюжету дом в тысячу этажей – это особый тип капиталистического жизнеустройства, где люди находятся в чётко расписанных для них социальных нишах (в зависимости от их положения в мире потребления и развлечений).

Переход индивида по этажам-уровням возможен только в небольших пределах, в остальном же положение любого человека в гигантском Муллер-доме, который возникает в бреду болеющего тифом солдата первой мировой, является, в сущности, его пожизненным приговором. Вездесущий властный контроль держит в страхе всё население, постепенно нивелируя с помощью особых химических средств все мысли о свободе и справедливости.

В ином ракурсе кризис европейской культуры отразился в романе-пророчестве К. Чапека «Война с саламандрами», в котором предугадывались контуры будущего социально-нравственного устройства Европы, вступившей на путь унификации и стандартизации своей культурной жизни. Писатель предсказал острый кризис европейской цивилизации, представив фантастической метафорой нашествие воспитанных на информации массовой прессы безнравственных ящеров. Иными словами, он живописно представил образ Европы, которая экспансируется культурной посредственностью и однотипностью масскультурного технологизированного (конвейерного) творчества.

В романе «Фабрика Абсолюта» К. Чапек описывает действие уникального карбюратора, вырабатывающего некий Абсолют – Бога в чистом виде. Попавшие под воздействие Абсолюта верующие, одержимые идеями всеобщего добра, любви и милосердия, вступают в кровавую бойню, как только появляется разница в трактовке этих прекрасных идей. Напрашивается прямое сравнение (Бог-СМИ).

¹¹ Герцен А. И. С того берега. Статьи. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. – Т. 6. – С. 204.

Пророчество «технической этики» предстает в пьесе Карела Чапека «R.U.R». Проблема власти над подконтрольными людьми у Чапека предстает гигантской метафорой общества, из которого стремительно уходит самосознание.

В России рефлексия кризиса культуры самым наглядным образом выразилась в творчестве Л.Н. Андреева, противоречиво сочетавшем по форме художественную дихотомию реализма и модернизма как методов отображения действительности, а по содержанию – конфликт социального оптимизма и космического пессимизма. Само по себе это было новым явлением в отечественной культурфилософской мысли, вышедшим в публичную сферу. Например, в рассказе «Тьма» по воле автора коллективизм как природное свойство русского народа не выдерживал испытания на прочность индивидуализмом главного героя, отказавшегося от собственных идейных убеждений и моральных обязательств перед своими товарищами и не пожелавшего далее «быть хорошим», потому что «вокруг все плохие». В рассказе «Стена» обесценивался высокий смысл предназначения человека на земле и утверждалась тупиковость его жизненного пути.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются полученные теоретические результаты, раскрывается их концептуальная значимость, формулируются выносимые на защиту основные положения, намечаются пути последующей разработки намеченного автором круга научных проблем, выдаются рекомендации для экстраполяции исследовательских результатов на современную социальную практику.

В частности, обосновывается теоретическая и прикладная необходимость применения в государственной политике полученных знаний о причинно-следственных явлениях социокультурного кризиса в Европе и России с целью его постепенного преодоления как необходимого для нашей страны условия сохранения своей национально-культурной самобытности и успешного осуществления культурного и духовного возрождения.

Обоснованные в работе идеи позволяют прогнозировать появление кризисных явлений в отечественной культуре и своевременно их предотвращать.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Статья в издании, рекомендованном ВАК РФ:

1. Индриков А. А. Молодёжная среда: проблема социокультурного диссонанса // Вопросы культурологии. – 2011. – № 2 (февраль). – С. 90-94.

Коллективные монографии:

2. Индриков А. А. Кризис как способ мышления технической цивилизации // Человек в мире повседневности. Ч. II. : коллективная монография / под ред. : профессоров Н. Л. Новиковой, Н. И. Ворониной. – Саранск, 2010. – С. 83-99.

3. Индриков А. А. «Газетный текст» против культуры: художественное завещание Карела Чапека человечеству // Прагматика текста и текстовых единиц : монография / О. А. Бирюкова (отв. ред.); Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2011. – С. 145-152.

Статьи и тезисы выступлений:

4. Индриков А. А. Социальный иммунитет под ударом СМИ. Тонус: Научное и учебно-методическое издание ф-та журн-ки и социологии КазГУ. – Казань : Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – №13. – С. 152-157.

5. Индриков А. А. Возможности СМИ в выражении общественного мнения молодежи. Материалы докладов XI научн. Конф. молодых ученых Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – С. 49-52.

6. Индриков А. А. Техника в контексте культуры: семиотический и массово-информационный аспекты. Материалы XII научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов МГУ им. Н.П. Огарева : в 2 ч. Ч. 1. Гуманитарные науки. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – С.91-94.

7. Индриков А. А. Коммуникативное пространство и его культура. Материалы второй межд. молодежной конф. «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации». 15-17 ноября 2007 г., Санкт-Петербург, Россия. <http://www.dialog-21.ru/news/digest.asp?id=139524>.

8. Индриков А. А. Фактуализм в СМИ: к проблеме объективности массовой информации. XXXV Огаревские чтения : материалы науч. конф. : в 2 ч. Ч.1. Гуманитарные науки. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – С.79-81.

9. Индриков А. А. «Мобильное мышление» – алгоритм современной массовой коммуникации. Региональная журналистика в системе СМИ России : динамика и характер развития в новых условиях : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию журналистики Мордовии (20-21 окт. 2006 г.). Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2007. – С. 133-135.

10. Индриков А. А. Прогноз кризиса европейской культуры в художественном творчестве Карела Чапека // Регион: культура в поиске

самоидентичности: материалы Всеросс науч. конф. с межд. Уч. (Саранск, 29- 30 сентября 2009 г.). – Саранск, 2009. – С. 62-65.

11. Индриков А. А. «Саламандровая цивилизация» против европейской культуры в публицистическом романе Карела Чапека «Война с саламандрами» // XVI Межд. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ» (Москва, 13-18 апреля 2009 года.). Режим доступа: www.lomonosov-msu.ru/files/id200/program2009.pdf

12. Индриков А. А. "Конвейерная" культура и кризис европейского мировоззрения // XVII Межд. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ» (Москва, 12-15 апреля 2010 года.). Режим доступа: www.lomonosov-msu.ru/files/id200/program2010.pdf

13. Индриков А. А. Культурный диссонанс в парадигме кризиса европейской цивилизации // Теория и практика культуры. Альманах. Выпуск 8; под общ. ред. О. Н. Астафьевой, П. Н. Киричка. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – С. 144-148.

14. Индриков А. А. «Диктатура конвейера» и метафизика кризиса европейской культуры // Третий Росс. культурол. конгресс с межд. уч. «Креативность в пространстве культуры: традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений. — Санкт-Петербург: ЭЙДОС, 2010. – С. 320.

15. Индриков А. А. Молодежь против «диктатуры стандарта» // Культура и культурная политика. Вып. 8. Культурные потребности молодежи: динамика в условиях социокультур. изменений : Материалы XXX нач.-методол. семинара. Москва. 5 апреля 2010 г. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – С.192-196.

16. Индриков А. А. Матрица духовного кризиса в медиаконцепции Акселя Шпрингера // XVIII Межд. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «ЛОМОНОСОВ» (Москва, 20-22 апреля 2011 г.). Режим доступа: www.lomonosov-msu.ru/files/id200/program2011.pdf

17. Индриков А. А. Массовая пресса как проект духовного кризиса нации (на примере медиаконцепции А. Шпрингера) // Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации». Воронеж, 12-13 мая 2011 г. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 2011. – С. 45-48.

18. Индриков А. А. Антропология кризиса в художественном пространстве европейской культуры (современное прочтение Карела Чапека) // Трансформация социокультурного пространства в XXI в. : современные реалии и культурные стратегии : материалы Всерос. науч. интернет-конф. с межд. уч., Саранск, фев.-апр. 2010 г. / [науч. ред. и сост. : О. Г. Беломоева, Е. В. Мочалов; сост. С. Б. Бахмутов]. – Саранск, 2011. – 348 с. – С. 201-204.

19. Индриков А. А. Диагноз кризиса европейской идеи в философии культуры З. Фрейда // Теория и практика культуры. Альманах. Выпуск 9; под общ. ред. О. Н. Астафьевой, П. Н. Киричка. – М.: Изд-во РАГС, 2011. – С. 123-125.

Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать способом ризографии. Усл. печ. л. 1,68. Уч.- изд. л. 2,08.
Тираж 100 экз. Заказ № 112 г.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в ООО «Референт».
430000, г. Саранск, пр. Ленина, 21.
Тел. (8342) 48-25-33.